

Музыка

1
Библиотека
имени
В.И. Ленина
СССР

XV 63
11

№11

ОГИЗ
МОЛОДАЯ
ГВАРДИЯ
НОЯБРЬ
1933

мурзилка

ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ
МЛАДШЕГО ВОЗРАСТА

ОГИЗ—МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ. ГОД ИЗДАНИЯ ОДИННАДЦАТЫЙ
НОЯБРЬ 1933 г.

СОДЕРЖАНИЕ

		стр.
Л. Кассиль	— СТРАТОСТАТ	Худ. Л. Голованов . . . 1
А. Барто	— БОЛТУНЯ	Худ. А. Каневский . . . 8
К. Паустовский	— КАПИТАН ЕГОРОВ	Худ. М. Михаэлис . . . 11
О. Перовская	— ДЕДУШКИН ПИДЖАЧОК	Фото А. Гунали . . . 14
А. Пушкин	— СТИХИ	Худ. Л. Бруни . . . 20
Г. Гулина и Л. Аллатов	— ХОЛМ НАВОЗНОГО ЖУКА	Худ. С. Оболенский . 22
Е. Благинина	— СОННАЯ	 24
Н. Саконская	— ОСЕНЬ В ШКОЛЕ	Худ. Л. Жолткевич . 25
М. Залетаев	— ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ?	Худ. А. Каневский . . 26
А. Абрамов	— СДЕЛАЙ САМ	Худ. К. Кузнецов . . 29

Обложка Ю. ПИМЕНОВА

Рукописи и детские рисунки не возвращаются.

Редакция

Адрес редакции: Москва, Центр, Новая площ., 6/8. Тел. 36-77.

XX $\frac{63}{11}$

СТРАТОСТАТ

1

Красноармеец Федор Терещенко приехал в Москву из деревни. Он был коммунист и физкультурник, он хорошо бегал, далеко прыгал и ловко лазил по веревке. Он легко взбирался на самый верх гладкого и скользкого шеста. По росту Федор Терещен-

ко был самый маленький в роте. Он был ниже всех. Он маршировал сзади всех. Но на доске соревнований он был выше всех и впереди всех, как коммунист и физкультурник, как ударник и боец.

Однажды вечером командир сказал бойцам-красноармейцам:

— Товарищи бойцы, ложитесь спать, выспаться нам следует хорошенько. Завтра всю ночь будем на аэродроме.

— Чего нам делать ночью на аэродроме? — удивились бойцы. — Аэропланы ночью не летают.

— Вы будете пускать стратостат, — сказал командир.

— Это что за стратостат? — спросили бойцы.

— Стратостат — получилось от слова стра-то-сфе-ра!

Так сказал командир и поглядел на небо, и все красноармейцы поглядели на небо и повторили:

— Стра-то-сфе-ра!

А командир рассказал, что внизу, над самой землей, воздух густой, плотный. Мы им дышим. А там, вверху, воздух редкий, слабый, им дышать трудно. Вот этот самый верхний воздух и есть стратосфера. А воздушный шар, который может залететь в стратосферу, называется стратостат.

— Стратостат, — повторили красноармейцы.

И Федор Терещенко, глядя на небо, на стратосферу, вспомнил, что он читал в газете, как заграничный профессор Пиккар на своем стратостате забрался на 16 километров вверх. Выше Пиккара никто никогда не забирался.

„Эх, — подумал Федор Терещенко, — на высокий шест забраться — это что... Вот на небо забраться выше профессора Пиккара — это дело!“

2

На другой вечер густой туман окутал Москву, но три храбрых сверхлетчика — Прокофьев, Годунов, Бирнбаум — решились все-таки лететь. Они надеялись, что утром будет ясная погода.

Стратостат был готов к отлету. Его сделали на двух лучших советских заводах. Маленькую круглую каютку-гондолу изготовил завод № 39, а огромную шелково-резиновую оболочку, которую наполняют легким газом, сшили на заводе „Каучук“. Рабочие старались как можно лучше сделать первый советский стратостат. И советский стратостат вышел на славу. Куда лучше заграничных!

Наши красноармейцы пришли ночью на аэродром и на самолетное поле. Там уже надували газом оболочку стратостата. Газ

вливался по трубе. Командир приказал вынести из большого сарая каютку - гондолу. Прожекторы осветили небольшой голубой шар вроде глобуса. Под глобусом была подставлена сплетенная корзина из прутьев. На глобусе было написано „СССР“, и горела красная звезда. Это и была гондола-каютка. Федор Терещенко увидел ее в первый раз. Он заглянул в нее через круглое окошко. Внутри все было завешано и заставлено разными инструментами, машинками и аппаратами. Чего тут только не было!

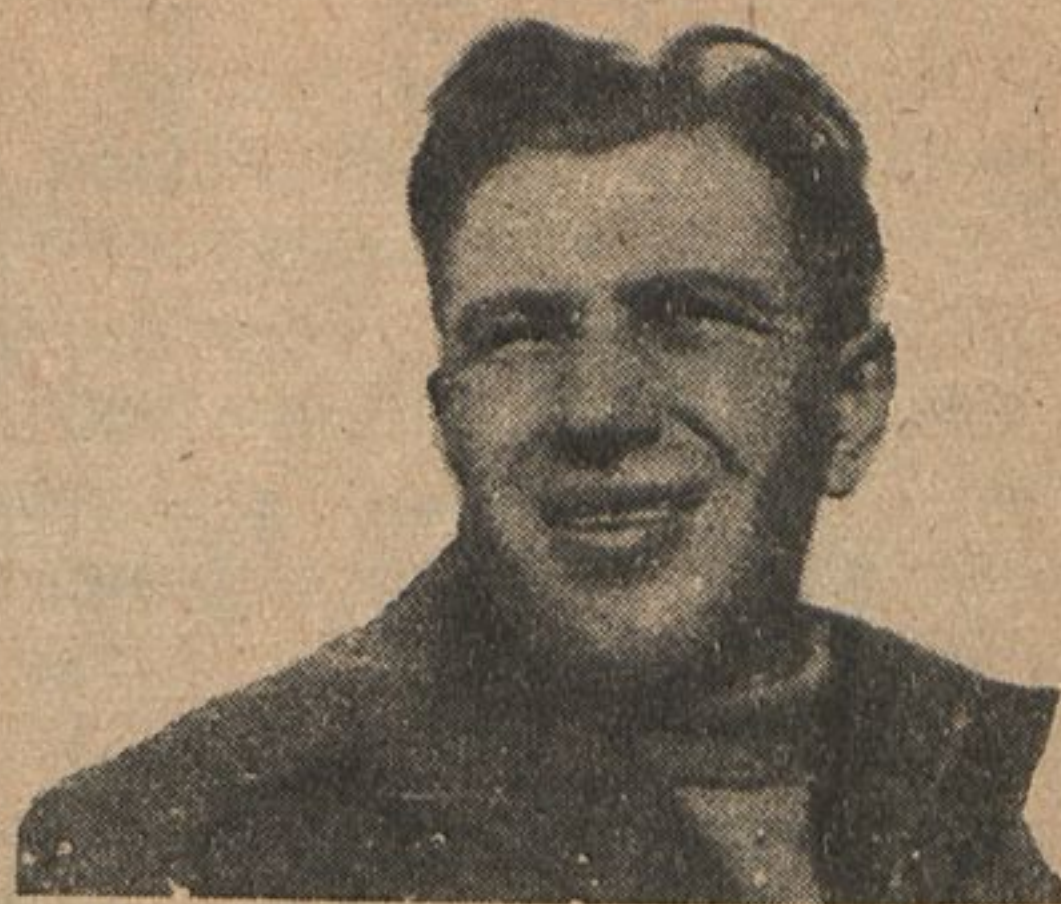
Один аппарат мог сам записывать, на какую высоту забрался стратостат в небе.

Другой мог пробовать, какой воздух наверху, есть ли в нем сырость, могут ли там летать аэропланы.

Третий аппарат умел ловить *космические* лучи, которые бывают только высоко в небе. Этими лучами интересуются все ученые мира, но как следует их никто не мог поймать и изучить.

Четвертый аппарат должен был очищать воздух внутри каютки и готовить воздушную смесь, годную для дыхания. Без этого аппарата летчики бы задохнулись, потому что наверху, в стратосфере, каютку приходится совсем закрыть и завинтить, чтобы щелочки даже не осталось.

Было тут и радио. Была и маленькая аптечка с лекарствами.

Командир стратостата СССР
Прокофьев Г. А.

Пилот Бирнбаум Э. К.

Инженер Годунов К. Д.

— Взять гондолу! — скомандовал начальник, и Федор Терещенко вместе со всеми взял каютку на руки.

— Поднять! Держать! По-не-сли!..

Гондолу бережно вынесли на поле. А там уже высоко раздулась газом оболочка. Огромный чехол торчал в тумане над полем. Каютку повесили под оболочку. Оболочка поднялась и натянула веревки, легкий газ тянул вверх. Красноармейцы крепко держали веревки. Вдруг командир заметил, что одна веревка высоко наверху запуталась. Узел затянул трубку, через которую вдували газ. Что тут делать?

Привезли пожарную лестницу, она могла достать до четвертого этажа большого дома, поставили — не достать и до половины. Узел на трубке висел на такой высоте, что под ним бы уместился целый восьмиэтажный дом.

Как тут быть? Все приуныли. А иностранцы, которые тут были, стали подсмеиваться над нашим стратостатом. И тут все услышали, как кто-то громко сказал:

— Товарищ командир, разрешите мне! Я слажу.

Это сказал боец Федор Терещенко, коммунист и физкультурник.

— Что ты, — сказал командир, — не долезешь! Сорвешься еще, чего доброго. Ведь вон какая высь!

— Долезу — сказал Федор Терещенко, — не сомневайтесь за меня, товарищ командир! Только разрешите. Я вмиг.

И командир позволил.

Терещенко сбросил шинель, снял сапоги и размотал портянки. Он поплевал на руки и полез по тонкой веревке вверх. Все замерли, иностранцы перестали смеяться. Стало тихо.

А Терещенко все лез и лез по веревке. Вдруг он остановился.

— Эх, сил нехватило, — с досадой сказал командир.

Но Терещенко отдохнул немножко и полез выше. Вот он долез до трубки, быстро распутал узел и полез обратно вниз. Он быстро спустился и встал на землю. Все захлопали. Все закричали: „Браво! Ура!“ И сто фотографов сняли Федора Терещенко, коммуниста и физкультурника, и командир велел написать приказ о храбрости т. Терещенко и выдать ему награду — сто рублей.

Но стратостат в это утро все-таки не полетел. Туман сгустился. Сырая тяжесть его навалилась на стратостат. Стратостат не смог лететь.

Очень грустный шагал в строю домой Федор Терещенко.

— Чего ты грустишь?— спрашивали его товарищи. — Награду получил, вон куда забрался, а грустит...

— Я-то забрался, — отвечал Терещенко, — а вот стратостат наш советский не забрался. Обидно.

— Ничего, — утешил его командир. — Как будет хорошая погода, так полетит. Не грусти, Терещенко! Выше голову! Ать, два! Ать, два! Левой!

3

29 сентября командир сказал:

— Ну, товарищ Терещенко, завтра утром летит. Ученые высчитали, что завтра будет ясная погода, а тумана совсем не будет.

Красноармейцы пошли на аэродром. Они вели с собой по шоссе огромные и легкие резиновые колбасы. Каждая колбаса была величиною со слона. Красноармейцы гнали целое стадо резиновых слонов. В слонах был легкий газ.

Красноармейцы наваливались на резинового слона и выдавливали из него газ. Газ входил в оболочку стратостата. Оболочка пухла, как волдырь. Она подымалась, как тесто. Она росла, как гора. На 25 этажей подымалась она над полем. Она старалась улететь. Федор Терещенко с другими бойцами еле удерживали ее.

Два маленьких воздушных шара летали вокруг стратостата. Под шарами висели скамеечки-качалки. На качелях сидели летчики. Они порхали, как бабочки, вокруг громадины стратостата и проверяли, нет ли где прорешки в оболочке, не утекает ли газ, хорошо ли работает управление, не запуталась ли веревка. Федор Терещенко смотрел на них с завистью: они забрались еще выше, чем он залез в прошлый раз.

Но вот все приготовления кончились. Капитан стратостата товарищ Прокофьев и два его помощника — инженер Годунов и летчик Бирнбаум — влезли в кабину-гондолу.

Посмотри на рисунок и сравни с таким же рисунком в „Мурзилке“ № 9, стр. 31. Что изменилось?

— Отдать гондолу!

Дать свободу! — крикнул командир.

Федор Терещенко и все красноармейцы разом отпустили стратостат.

Стратостат быстро понесся в синее ясное небо.

Капитан высунулся из круглого окошка кабины, махал рукой. Федору Терещенко.

— Ура! — закричал Федор Терещенко.

— Ура! — загремели все. — Ура! Летит наш первый советский стратостат!

И на всех улицах Москвы, на всех площадях ее народ остановился и стал глядеть в небо.

Остановились трамваи и автомобили: вагоновожатым и шоферам тоже было интересно поглядеть на стратостат. А стратостат улетал все выше и выше. Солнце освещало и согревало его. Оболочка раздувалась и становилась круглой, как шар. Страшно высоко над Москвой катился по синему небу серебряный шарик.

— Стратостат летит! Стратостат! — кричала вся Москва.

— Трататат летит! Трататат! — кричали малыши и скакали на одной ножке.

А Федор Терещенко сидел у радио и тихо слушал, как стратостат на небе разговаривал с командиром на земле.

— Мы залетели на девятнадцать километров вверх! — кричало радио со стратостата. — Мы забрались выше профессора Пиккара. Так высоко ни один человек, ни одна птица никогда в жизни не залетали!

— Приветствуем вас, товарищи, и поздравляем! — сказал в радиотрубку командир.

— И от меня привет передайте! — сказал Федор Терещенко.

А на другой день все газеты во всем мире поздравляли Советскую страну с победой нашего стратостата.

Наш советский стратостат залетел выше всех в мире и благополучно вернулся на землю. И во всех газетах были напечатаны большие портреты наших сверхлетчиков — Прокофьева, Годунова и Бирнбаума.

И во всех газетах был напечатан маленький портрет храброго красноармейца, который распутал узел, — портрет Федора Терещенко, коммуниста и физкультурника.

Л. Кассиль

БОЛТУНЬЯ

Это Вовка выдумал:
вот болтунья Лида, мол...
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Драмкружок, кружок по фото,
хоркружок, мне петь охота...
И за кружок по рисованию
тоже все голосовали...

А Марья Марковна сказала,
когда я шла вчера из зала:
— Драмкружок, кружок по фото—
это слишком много что-то.

Выбирай себе, дружок,
один какой-нибудь кружок.

Ну, я выбрала по фото,
но мне еще и петь охота.
И за кружок по рисованию
тоже все голосовали...

А Марья Марковна сказала,
когда я шла вчера из зала:
— Драмкружок, кружок по фото—
это слишком много что-то.

Выбирай себе, дружок,
Один какой-нибудь кружок.

Ну, я выбрала по фото,
но мне еще и петь охота.
За кружок по рисованию
тоже все голосовали...

А Марья Марковна сказала,
когда я шла вчера из зала...

А что болтунья Лида, мол,
это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

Я теперь до старости
в нашей группе старостой.
А чего мне хочется:
стать, ребята, летчицей!

Поднимусь на стратостате...
Что за слово это, кстати?
Что за слово „стратостат“.
когда старосты летят?

Я теперь до старости
в нашей группе старостой.
А чего мне хочется:
стать, ребята, летчицей!

Поднимусь на стратостате...
Что за слово это, кстати?
Может, это стратостат,
когда в старости летят?

А что болтунья Лида, мол,
это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

А у нас учитель строгий.
Он сегодня на уроке
объяснял насчет Японии.
Вы спросите, кто не понял?

Я спросила, как считается,
что японцы и есть китайцы?
Я спросила об Японии:
— Это там родились пони?

А у нас учитель строгий.
Он сегодня на уроке
объяснял насчет Японии.
Вы спросите, кто не понял?

Потом мне кто-то говорил,
что был китайский мандарин.
Я учителя спросила:
— А есть японские апельсины?

А что болтунья Лида, мол,
это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

У меня еще нагрузки
по-немецки и по-русски.

Задание на дом нам дано —
чтение и грамматика.
Я сижу, гляжу в окно
и вдруг там вижу мальчика.

Он говорит: „Иди сюда,
я тебе ирису дам“.
А я говорю: „У меня нагрузки —
по-немецки и по-русски“.

А он говорит: „Иди сюда,
я тебе ирису дам“.
А я говорю: „У меня нагрузки —
по-немецки и по-русски“.

А он говорит: „Иди сюда,
я тебе ирису дам“.
А я говорю: „У меня нагрузки —
по-немецки и по-русски“.

А что болтунья Лида, мол,
это Вовка выдумал.
А болтать-то мне когда?
Мне болтать-то некогда!

А. Барто

*Ребята! Эта болтунья будет уча-
ствовать в пьесе „Миллион почталь-
онов“ в Московском театре для
детей.*

Капитан Егоров

Несколько лет назад из Ленинграда в Англию, в город Бельфаст, отошел старый океанский пароход „Гарибальди“ с грузом игрушек. Пароходом командовал знаменитый среди наших моряков суровый и мужественный капитан Егоров.

Команда парохода была недовольна грузом. Она считала, что возить игрушки — дело, не подходящее для моряков. Она предпочла бы опасный рейс в полярные моря, который покрыл бы славой каждого моряка.

Перед выходом из Ленинграда в море Егоров созвал команду на палубе и сказал:

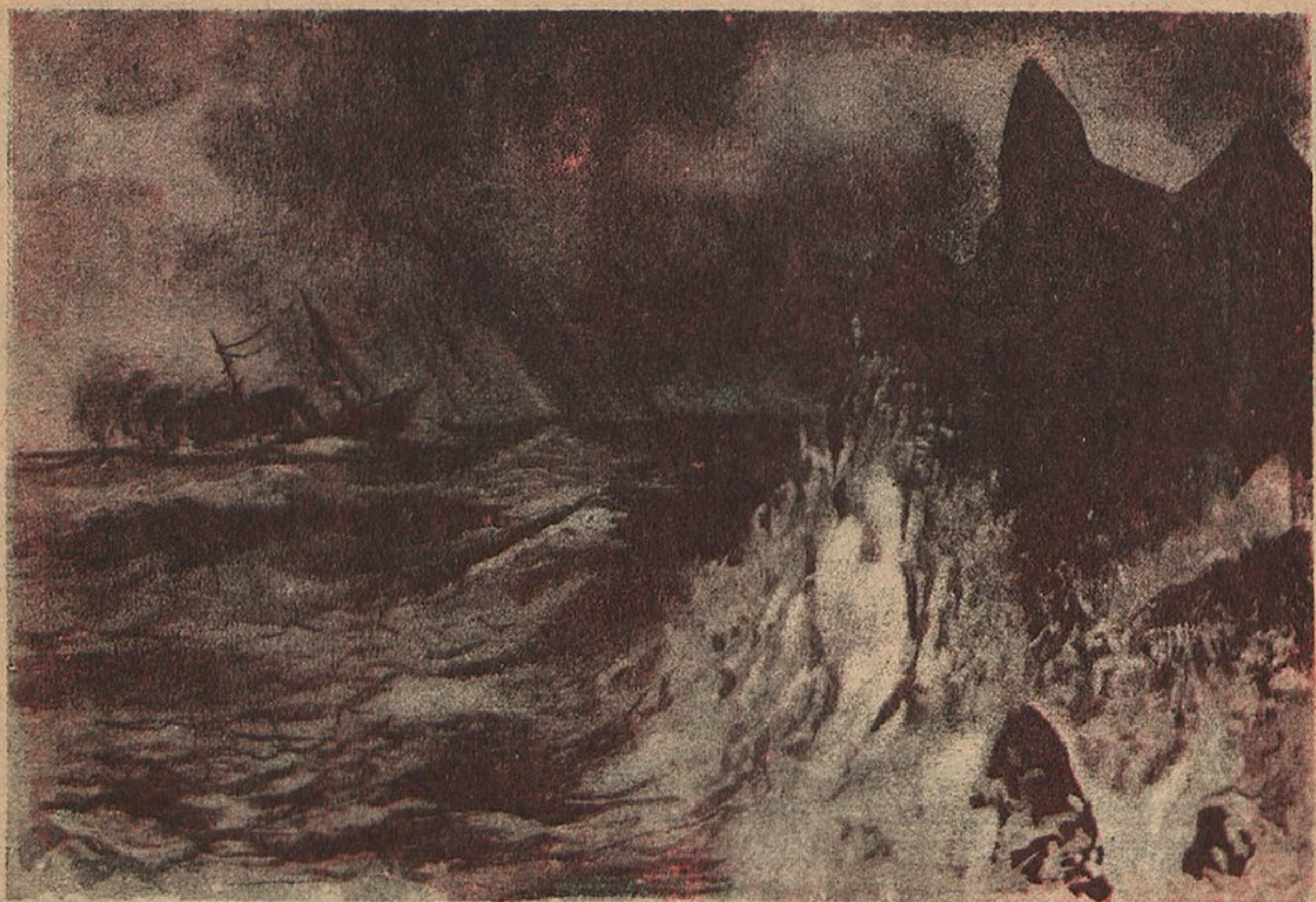
— Мы везем игрушки не для сыновей лордов, а для детей рабочих и бедняков Англии. Наши трюмы полны необыкновенного груза, который доставит радость тысячам ребят, не видавшим лучшей игрушки, чем старый селедочный хвост или заржавленный гвоздь. Понятно? Игрушки будут выставлены в Бельфасте, а потом мы раздадим их детям, как подарки от наших пионеров. Мы везем самый ценный груз в мире, и нечего строить кислые рожи.

Образцы игрушек были выставлены в стеклянном шкафу в кают-компании. Сначала матросы подсмеивались над ними, потом начали приглядываться. Среди игрушек были комсомолки и пионеры из папье-маше, Буденный на сером коне, кузнецы, кующие плуг, английские полисмены с толстыми рожами, ткачихи у прялок, резиновые рыбаки с сетями и серебряной рыбой, десятки детей на первомайских автомобилях и наконец лысый король с зелеными глазами, издававший при каждом прикосновении хриплый лай.

Когда „Гарибальди“ огибал северные берега Англии, из Атлантического океана пришел тяжелый западный шторм. Он застал пароход в самом опасном месте, — около базальтовых скал Рокк, наводящих ужас на всех моряков мира.

Чтобы попасть к сроку в Бельфаст, надо было обогнуть эти скалы, на что во время шторма не решился бы ни один капитан. Над скалами сшибались океанские волны и взлетали в небо, как громадные фонтаны.

Если пароход попадал к скалам Рокк во время западного шторма, его сильным течением, волнами и ветром разбивало о скалы, как пустую бутылку. Поэтому пароходы, застигнутые штормом,

мом у скал, старались уйти от них подальше и никогда не решались огибать их.

„Гарибальди“ страшно мотало волнами, шлюпки были смыты с палубы, борта погнуты, в носу началась течь, и все насосы работали, откачивая воду. Спускались сумерки, огромные фонтаны воды над скалами были видны очень хорошо.

Помощник капитана Чох, мокрый до нитки и охрипший от ветра, крикнул Егорову, стараясь перекрыть грохот бури:

— Неужели будем огибать Рокк?

— Груз срочный, детвора ждет! — крикнул в ответ Егоров и повел пароход вокруг скал. — Это самый короткий путь в Бельфасть!

Больше он не мог сказать ни слова — рев волн и гул ветра заглушали даже пронзительные свистки боцманов.

Ночью „Гарибальди“ принял несколько радио от пароходов с просьбой о помощи. Океан бесновался и безумствовал. „Гарибальди“ с треском уходил в воду, и тогда над черным океаном торчала только его красная труба, мачты и мостик с Егоровым. Потом пароход неуклюже подымался из волн, и вода лилась с палубы, будто из тысячи дырявых бочек.

Матросы были взволнованы, каждую минуту они ждали смерти. И только молодой пароходный повар смеялся и подставлял ветру

зубы — ветер был так силен, что высвистывал у него на зубах, как на флейте, незамысловатые песенки.

Через сутки „Гарибальди“ был в Бельфасте. Приход его вызвал страшное волнение. Английские газеты печатали громадными буквами сообщение о приходе „Гарибальди“ под заголовком: „Скалы Рокк при полном шторме могут обогнуть только большевики или сумасшедшие“. По всей морской Англии разнесся слух о небывалом мужестве капитана Егорова.

Но Егоров был спокоен. Взволновался он только на четвертый день вечером, когда началась разгрузка трюмов.

Стояла осень, туманы, из парков пахло опавшей листвой. К пароходу подошли сотни детей из рабочих кварталов Бельфаста приветствовать капитана Егорова. Впереди шел крошечный мальчик и нес модель парусного корабля — подарок Егорову от детей. За мальчиком шел дедушка, старый матрос с серебряными баками. Он делал этот корабль несколько лет, но ему не жаль было расставаться с этой дорогой игрушкой.

Егоров поднял мальчика с палубы и поцеловал в горячие щеки. Потом он пожал руку старику и сказал, что плавание в Бельфаст — самое счастливое и радостное в его жизни.

Егоров изредка бывает в Москве.

Когда он приедет, он охотно расскажет нам об этом рейсе, — он вообще рассказывает много интересных вещей.

К. Паустовский

ДЕДУШКИН ПИДЖАЧОК

Из книжки Г. Замчалова и О. Перовской (Остров в степи)

Когда я была совсем еще сосунком, дедушка мой привез из Харькова новый пиджачок. Пиджачок был из очень красивой материи. Все любовались обновкой, а дедушка с гордостью всем объяснял:

— Это не простая материя. Это шерсть замечательного животного из рода лам. Ламы живут в горах Южной Америки, и

самая лучшая шерсть у ламы-альпака. Вы, может быть, думаете, что мой пиджачок выкрашен в черную краску? Ничуть не бывало, это натуральный цвет черной альпака. Она очень дорогая, эта шерсть, но зато из нее получают самые лучшие ткани.

С тех пор прошло тридцать пять лет. Дедушка каждый день щеголял в своем пиджачке. Он оставался таким же красивым, блестящим и свежим.

На улице дедушку постоянно расспрашивали:

— Скажите, пожалуйста, где вы купили ваш новый прекрасный пиджачок?

Все восхищались и щупали пиджачок руками. А дедушка, очень довольный, рассказывал про ламу.

— Неужели у нас нельзя развести такое чудесное полезное животное? Скажите: в СССР нигде нет этих лам?

Тут дедушка выталкивал вперед меня.

— Про это вы лучше спросите вот внучку. Она все мечтает о том, чтобы все полезные звери со всего мира съехались к нам, в СССР. Уж она знает, где кого разводят.

И я с удовольствием рассказывала про тех лам, с которыми мне довелось познакомиться в маленьком украинском поселке, бывшей Аскании-Нова.

Таким образом многие узнали про Пахома, Гордячку, Шоколадку, Пеструю и про маленького Чарли Чаплина.

Если хотите, я могу рассказать про них еще раз.

II

Желто-белый самец ламы Пахом заносчиво вздернул голову. Он будто хотел сказать:

„Я думал там правда что-нибудь путное, а там просто две девчонки“.

— Тпрусь, тпрусенька! Иди сюда, на тебе хлебца.

Пахом презрительно поджал губы и снова глянул через забор.

Он был вовсе не такой уж большой, голова только высокая. А держался он так важно — ну прямо как верблюд.

Но ведь у верблюда, не забывайте, горб или даже два горба. Потом он очень большой. Потом верблюд уже тысячи лет трудится на пользу человека. Ему есть из-за чего гордиться и даже плевать на всех. А Пахома-то с его Америкой открыли-то совсем потом. Раньше про них обоих даже не знал никто ничего. Сам он низенький, на коротких мозолевых ножках, а шея длинная, длиннее ног.

Ну, разве можно такому уродцу важничать и равняться с верблюдом? Правда, когда-то у лам и верблюдов был один и тот же родитель, но ведь это было очень давно, и кроме того я не думаю, чтобы Пахом мог догадываться об этом.

Девочки за забором не видели, что Пахом смотрит на них сверху. Они заглядывали в щелку, и им видны были только его грудь да ноги. Лена совала в щель корочку хлеба и уговаривала:

— На, на, Пахомчик. Возьми, не бойся. Ой, какой он лохматый!

Смотри, Варя: шерсть так сосульками и висит.

И вдруг Пахом взял и плюнул сверху.

— Ну, распустили животных, — сказала Варя, в точности как говорил ее отец, зверовод Павел Федотыч.

Лена вытерлась рукавом и погрозила:

— У, ты, дурак! Вот позову Индейца с Матвейкой, так они тебе нахлещут по морде.

Корочка осталась торчать в заборе. Пахом увидел ее и даже понюхал издали, но не решился взять ее губами.

Чтобы показать свое презрение к этой корке, он поднялся на дыбки, прошелся вдоль забора и прокричал что-то таким уморительным верблюжьим голосом, что девочки, забыв про обиду, упали от смеха на траву.

Три самки - ламы поглядели на такие Пахомовы выкрутасы и направились к забору.

— Ламихи идут. Варюшка, скорее зови ребят. И тут пришли удалые ребята, Индеец и Матвейка. Они уже по дороге придумали, как отомстить Пахомке.

— Вот что, — сказал Индеец: — тебя, Варька, мы посадим туда, к ламам. Ты только подмани их поближе к забору, а мы на столбах притаимся. Как они припустят за тобой мимо нас, так мы заскочим к ним на спины.

Вот когда накатаемся, сколько хочешь!

III

Очутившись в загоне одна перед ламами, Варюшка сначала оробела. Но за ней следили шесть строгих глаз. Надо было показать свою храбрость.

— Ну, вы, степки-растрепки!—крикнула она изумленному стаду.—Вот я на вас хрр—твфу! Ну-ка, посмейте на меня наплюнуть.

И, высоко задрав нос, Варюшка побежала вдоль забора. Ламы зарысили следом.

Так пробежали они мимо столба, где их поджидал Индеец. Вдруг кто-то резко толкнул Варю в спину. Девочка ткнулась носом в траву.

В тот же момент раздался сердитый рев лам. Чьи-то ноги мазнули ее по затылку. Дальше она услышала восторженный хохот и крики:

— Индеец прицепился! Индеец поехал! Смотрите: он скачет верхом на Гордячке.

По степи неуклюже скакали ламы. На спине у Гордячки, вцепившись в ее шерсть, подпрыгивал Индеец. Матвейка с Леной, хохоча, бежали к Варюшке.

Ламы скоро оправились от испуга и почуяли, что на Гордячке сидит совсем неопасный враг. Они остановились, а Гордячка даже легла.

Индеец попал в трудное положение: один в степи, под ногами у рассерженных лам. Он, правда, не струсил, вскочил на ноги. Но в это время Пахом сзади пребольно укусил его за мякоть.

— Ай!—вскрикнул мальчик.—Брысь ты, проклятый!

Пеструшка сбоку цапнула его за ухо.

— Ой, ой!—Из глаз у Индейца брызнули слезы.—Я тебе вот...

Пахом и Шоколадка с двух сторон вцепились в рубаху и разорвали ее пополам.

— Ай, убивают! Спаси...

Индеец вынырнул из-под морды Пеструшки и кинулся бежать. Матвейка с девочками в ужасе застыли на месте. На их глазах Пахомка догнал Индейца и снова вцепился в его штанишки. Дети принялись кричать.

IV

Эти крики услышали мы с Павлом Федотычем.

— Что такое? Где это? Бежим скорей—несчастье...

В загоне Пахом расправлялся с Индейцем. Ламихи смотрели на расправу холодно и справедливо. Ребята горько рыдали.

— Папочка, отгони! — кричала Варюшка. — Вот у Матвейки кнутик.

Павел Федотыч отогнал лам, поднял избитого мальчика и попросил меня отвести его к доктору.

— А вы все ступайте сейчас же за мной, — приказал он Матвейке, Лене и Варюшке.

— Нет, мы тоже пойдем до больницы, — возразил хитрый Матвейка. — Может, Индеец умрет или сбежать за чем-нибудь придется.

Я поняла, что ребятам здорово влетит от Павла Федотыча.

— Верно, — сказала я. — Пусть они лучше сначала помогут Индейцу. А вы им велите притти после.

Мы пошли в больницу.

— Еще главное: говорят — в Америке она будто домашняя, — ворчал по дороге Матвейка, — будто на ней там выюки возят, в индейских горах. Да я бы такую поганку кнутом бы так нахлестал!..

— Подожди, брат Матвейка. Еще неизвестно, кого из вас нахлещут, — слегка напомнила я.

V

— Раз она у индейцев домашняя, то что она сдохнет, что ли, если на ней чуточку покатаются? — настаивал на своем Матвейка.

— Тетя Оля, Пахомка вигонь? — неожиданно спросила Варюшка.

— Вигонь. А ты откуда знаешь?

— Папа рассказывал рабочим из Днепростроя, что ламов бывает три сорта: вигонь, потом какое-то на „однако“ похоже.

— Гуанако.

— Ага, это самый большой. А еще — у которого самая лучшая шерсть.

— Альпака.

— Верно. Ты тоже знаешь про все это.

Ребята с восхищением посмотрели на меня, а я тут же рассказала им про дедушкин пиджачок.

— А теперь мы хотим у себя на родине развести эти самые пиджачки, и чтобы они были дешевые и чтобы их хватало на всех. С большим трудом привезли сюда, в Асканию, Шоколадку, Гордячку, Пахома и других. Ты, Варюшка, лучше меня знаешь, как твой папа беспокоится, чтобы их не испугали, не обкормили, не покалечили. И все это для того, чтобы они обжились у нас и стали рождать нам много маленьких пидж... тьфу, что я? — ламенков.

— А чего же они не рождают?

— Ишь, скорая какая! Это не так-то легко. За границей дав-

но уже стараются развести (акклиматизировать) ламу, но до сих пор нигде не родилось ни одного ламенка. Ламы до сих пор родились только у себя на родине, в Америке.

Весь этот день Павел Федотыч ходил озабоченный. Вечером я узнала, в чем дело. Оказывается, Гордячка уже больше года носила в своем животе ламенка и скоро он должен был родиться.

Поздно вечером я зашла к жене Павла Федотыча за книгой, а она говорит:

— Павло совсем голову потерял. Эти мерзкие ребята покатались сегодня на Гордячке, и вот у нее маленький рождается. Только, кажется, он рождается немножко раньше, чем нужно. Подумайте, какое будет горе, если первый у нас ламенок родится мертвым или уродцем!

А наутро Павел Федотыч позволил нам с Варей пойти вместе с ним. Едва мы подошли к двери степного загона — оттуда выглянул какой-то веселый малый.

Светлокаштановые крупные локоны завились у него по всему тельцу. Мордочка была голенькая, глазки уже сейчас, с первого дня, заносчивые, как у Пахома, а губы морщились в лукавую усмешку.

Ламенок вышел нам навстречу, приняхался и стал тереться боком о стенку сарая. Ничего у него и не чесалось, а просто он видел, до чего мы все любимся им, и форсил.

— Ой, какие ноги смешные! — восхищалась им Варя. — До самой щиколотки как будто широкие брючки. Знаешь, как у кого? Как у Чарли Чаплина из кино.

Мы все засмеялись, и ламенок хохотнул за компанию с нами. Так его тут же и назвали Чарли Чаплиным.

А настоящий Чарли, тот, который артист и живет в Америке, наверно и не знает, какой славный однофамилец есть у него на Украине.

О. Перовская

СТИХИ А. С.

ПУШКИНА

Уж небо осенью дышало,
уж реже солнышко блистало,
короче становился день.
Лесов таинственная сень
с печальным шумом обнажалась,
ложился на поля туман.
Гусей крикливых караван
тянулся к югу. Приближалась
довольно скучная пора,
стоял ноябрь уж у двора.
Встает заря во мгле холодной.
На нивах шум работ умолк,
с своей волчихою голодной
выходит на дорогу волк;
его почуя, конь дорожный
храпит, и путник осторожный
несется в гору во весь дух;
на утренней заре пастух
не гонит уж коров из хлева,
и в час полуденный в кружок
их не зовет его рожок.

ХОЛМ НАВОЗНОГО ЖУКА

Наше пастбище называется по-узбекски Таш-кудук — каменный колодец. И правда, здесь колодец сложен из больших каменных плит. А соседнее пастбище — Пшак-кудук, то есть кошачий колодец. Так назвал это место пастух, убивший там дикую кошку.

В степи названия возникают случайно, и мы, путешественники, тоже давали многим местам свои имена.

В полдень степной ветер становится душным и обжигает кожу. Солнце палит нестерпимо. Мы прячемся тогда в пастушью юрту, в которой всегда прохладно.

Говорят, в разгар лета степь так накаляется, что даже ночью воздух отравлен ее горячим дыханием. Но сейчас конец апреля и вечерами свежо.

Раз в такой вечер, гуляя по склону холма, мы услышали в траве шорох.

Что это, черепаха пасется?

Оказалось другое: это маленький жук катил перед собой катышек лошадиного навоза, вдвое больше себя самого.

Мы стали следить за навозником.

Передними ножками он упирается в землю, задними толкает шарик и так, пятась задом, головой вниз катит свой груз.

Часто путь ему преграждал какой-нибудь камешек или веточка. Тогда он останавливался, точно говорил себе: „Дай-ка я посмотрю, в чем там дело“.

Суетился возле своей драгоценности, прилаживался с другой стороны и обходил препятствие.

— Поторапливайся, — шептали мы, — справляйся дотемна.

И даже делом помогали жуку: отводили с его пути веточки, убирали комочки земли...

И вдруг случилась с тружеником беда. Бац! — ударился о землю другой навозник, тяжелый, большой, со столовую ложку. Шлепнулся на спину, завертелся на месте, перевернулся на ножки и пополз к первому. Тот остановился и угрожающе поднял лапку: не лезь, мол, мой навоз.

А второй ему, должно быть, ответил:

— Сейчас посмотрим, чей.

Жуки сцепились, лапки затрещали, и скоро наш „подшефный“, побежденный и, верно, израненный, поднялся и улетел. Бандит уперся передними лапами в землю, задними — в шарик и покатил. Перевалил через холм, пополз под гору, а мы все смотрим.

Вот жук стал останавливаться: бросит шарик и начнет передними лапками ковырять сухую землю. Потом раздумает, вернется к шарiku и гонит его дальше. Это он, как видно, искал место для норки.

— Да ну же, — торопили мы его, — скорей! Почему ты бросил копать под этим кустиком? Чем плохо? Смотри, заночуешь под открытым небом.

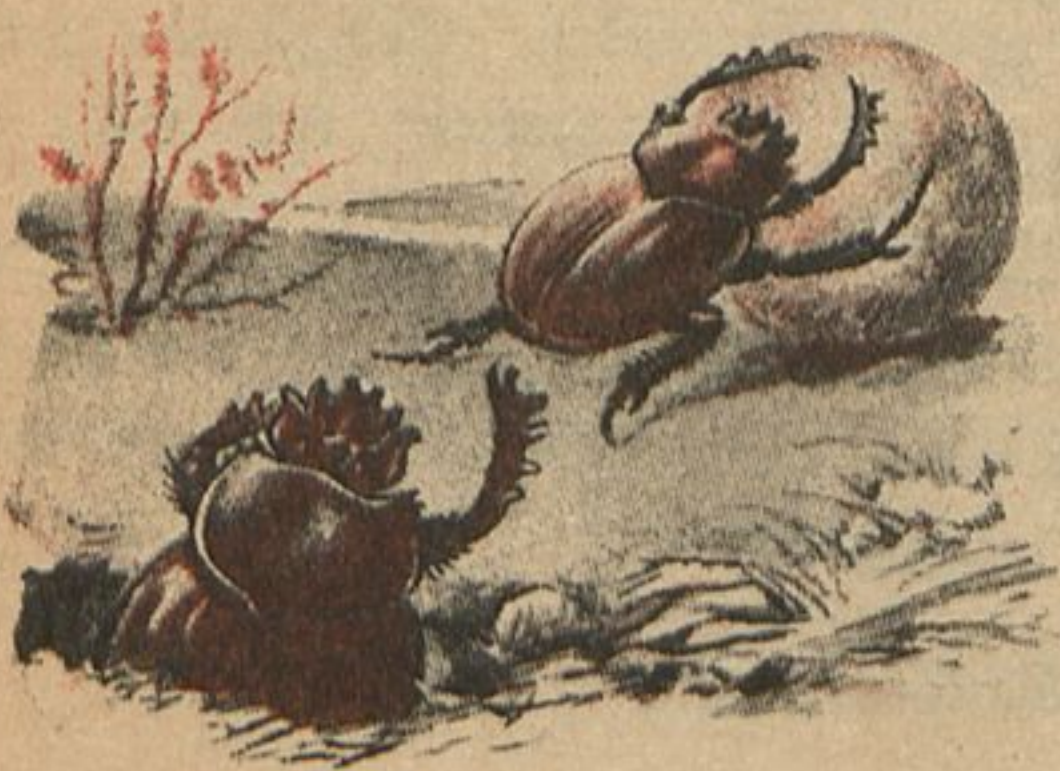
Наконец жук-бандит начал копать решительно. В одну минуту он оказался уже в норке и стал втаскивать за собой шарик.

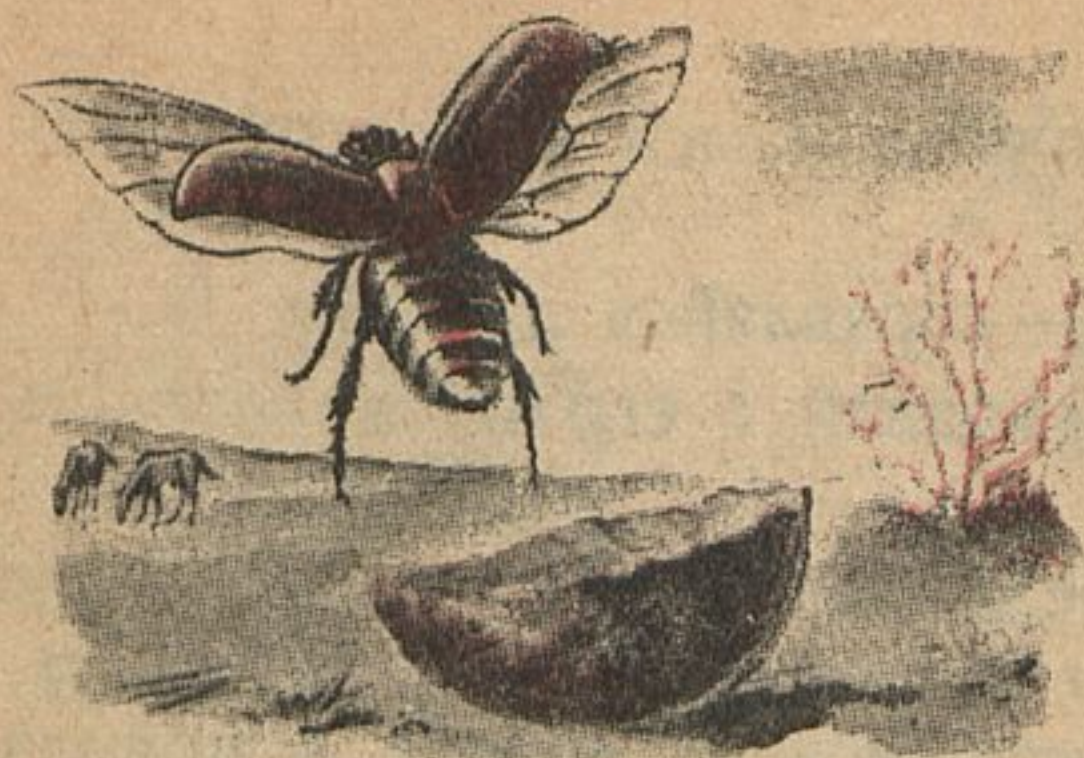
В это время на выцветшем небе пустыни показалась черная точка. Это, гудя, как снаряд, приближался новый жук. Он тоже, как видно, разбойник: рядом паслись наши лошади и был свежий навоз, а жук пополз прямо к норке. Нахально сгреб чужой шарик и потащил. Первый жук встревоженно выглянул:

— Кто здесь безобразничает?

И, увидев незваного гостя, немедленно бросился на него.

Жуки были здоровенные; их черные брони, слышно, заскрежетали в драке, но ни один не сдался. Тогда драчуны бросились к шарiku и стали тянуть его каждый к себе. Шарик разломился. Второй бандит быстро погнал свою часть в сторону. Первый

минутку что-то соображал, потом расправил крылья и полетел к нашим лошадям. Там он стал лепить себе новый шарик, а мы пошли домой, в юрту, где уже потрескивал вечерний костер.

После знакомства с навозниками у нас вошло в привычку говорить так:

— Пойдем на тот холм, где мы смотрели жуков.

А потом уж просто:

— Пойдем на холм навозного жука.

И пастухи за нами стали говорить так же.

Вот и родилось в степи новое название— „Холм навозного жука“.

Галина Гулина, Лев Алпатов

СОННАЯ

СТАЛО ТИХО, ТИХО, ТИХО.
В ЗООПАРКЕ СПИТ СЛОНИХА.
ТРОЕ МАЛЕНЬКИХ КОТЯТ
СПАТЬ ДАВНЫМ-ДАВНО ХОТЯТ.
СПЯТ В КРОЛЬЧАТНИКЕ КРОЛЬЧАТА.
В ТЕПЛЫХ КОМНАТАХ — РЕБЯТА.
У ПОДУШКИ СТЫНУТ УШКИ,
ТЕНИ БРОДЯТ ПО ПОДУШКЕ,
ЛУННЫЙ ЛУЧ ЛЕЖИТ В УГЛУ,
ВОЗЛЕ ПЕЧКИ, НА ПОЛУ.
ЧЕРЕЗ ПЕЧКУ ПО СТЕНЕ
ЛУННЫЙ ЛУЧ ПРИШЕЛ КО МНЕ,
ТИХО ГЛАДИТ ПО ПЛЕЧУ,
Я НЕ СЛЫШУ — СПАТЬ ХОЧУ.

Е. Благинина

ОСЕНЬ В ШКОЛЕ

Ветер хлопнул школьной
дверью,
мяч в кусты забросил.
Говорят, но мы не верим,
будто снова осень.

Так недавно мы видали
рожь в полях не скошенной,
а сегодня нам сказали:
шить мешки калошные.

Словно длинною аллеей
мчимся коридорами.
Ой, как все поздоровели,
щеки — помидорины!..

Ну-ка, группа нулевая,
кто у вас всех толще?
Что ли, дети успевают
осенью, как овощи?..

Ты, звонок, звони сильнее,
не вели опаздывать.
Группа, строиться в линейку!

Левой,
правой,
раз,
два!

Вот и ветер бросил злиться
на веселых школьников.
Он насыпал желтых листьев
к нам на подоконники.

Мы сегодня в перемену
ими класс украсим,
золотыми станут стены
в нашем светлом классе...

Н. Саконская

ЗНАЕШЬ ЛИ ТЫ

КАК САМОЛЕТ И ЛЕТЧИКОВ КОРМИЛИ НА ЛЕТУ?

До сих пор только один самолет продержался в воздухе пятьсот пятьдесят часов, то есть летчики, поднявшись с земли на самолете, спустились только через двадцать три дня.

Как же самолет мог забрать топлива для себя и пищу для летчиков на такой долгий срок? Ясно, что сразу поднять все он не мог. Одного топлива для самолета понадобилось бы столько, сколько не мог бы увезти целый товарный вагон. А этот самолет мог поднимать груз только во много раз меньше.

Придумали вот что. Самолет на лету снабжали всем необходимым другие самолеты. Они подлетали близко и спускали ему на канате корзинку с едой. Вот с бензином—топливом для самолета—дело было сложнее. Тут уже спускали не канат, а кишку, вроде той, которой поливают улицы. По этой кишке бензин переливали из одного самолета в другой.

Чтобы удобнее было наблюдать за полетом и доставлять самолету все ему нужное, летчики все время кружили над одним и тем же городом. Очень недовольны были тамошние жители. Неумолкавшее двадцать три дня и двадцать три ночи гудение самолета им ужасно надоело и мешало спать. А летчиков было двое, и спали они по очереди, к шуму же самолета они давно привыкли.

КТО БЫСТРЕЕ ВСЕХ ЛЕТАЕТ И ЕЗДИТ?

От Москвы до Ленинграда шестьсот километров. Если бы взрослый сильный человек вздумал отправиться из Москвы в Ленинград пешком, он пришел бы туда через сто двадцать часов, то есть через пять суток. Ясно, что, для того чтобы человек смог дойти до Ленинграда за пять суток, он совершенно не должен был бы останавливаться в пути, даже для того, чтобы поесть или поспать. Всего же времени, чтобы добраться пешком до Ленинграда, нужно было бы, по крайней мере, суток десять.

Отправившись в Ленинград на обыкновенном автомобиле, тоже без остановок, можно было бы приехать туда часов через двенадцать.

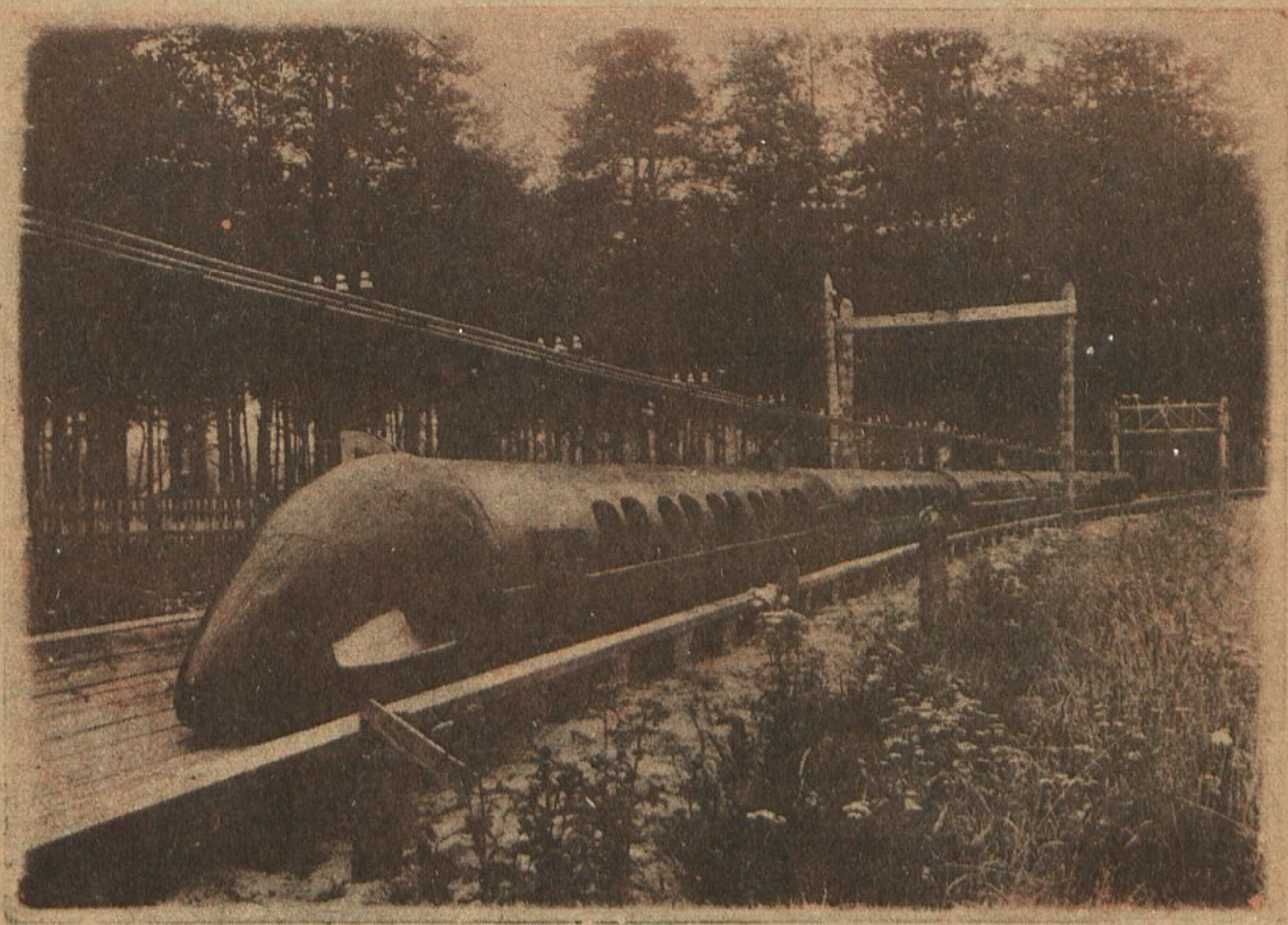
Курьерский поезд „Красная стрела“, который ходит между Ленинградом и Москвой, проходит это расстояние в девять часов.

Если бы между Москвой и Ленинградом был проложен водный путь, то самая быстрая в мире моторная лодка прошла бы этот путь в три часа.

Самый быстрый гоночный автомобиль прибыл бы в Ленинград через полтора часа. А самый быстрый самолет — через пятьдесят пять минут.

Надо тебе сказать, что моторная лодка, гоночный автомобиль и самолет с такой быстротой плыли, ехали и летали только на небольшие расстояния и в редких случаях — на гонках, состязаниях.

А вот электрический поезд нашего изобретателя Ярмольчука, у которого вместо колес шары и который идет не по рельсам, а по особому желобу-лотку, этот шаропоезд ежедневно сможет проходить путь между Москвой и Ленинградом в два часа.

КАК ПАРАШЮТЫ ОТКАЗЫВАЮТСЯ СЛУШАТЬСЯ РЕБЯТ?

В Москве и в некоторых других наших городах построены вышки, с которых учатся прыгать на парашютах. Как ты, наверно, знаешь, парашют сделан из большого круглого куска специальной шелковой материи. Он раскрывается вроде зонтика и медленно опускает привязанного к нему человека на землю.

Прыгать с парашютом довольно трудно, и могут это делать только взрослые люди. А маленьких ребят парашюты не слушаются.

Вот что недавно случилось в Парке культуры и отдыха. Один мальчик очень долго просил, чтобы ему позволили прыгнуть с вышки. Когда ему наконец разрешили и приладили к нему парашют, он прыгнул.

Прыгнул, да так и остался висеть между небом и землей. Оказалось, что мальчик был слишком легок и парашюту ничего не стоило выдерживать его тяжесть в воздухе.

Что тут было делать? Пришлось бежать за длинными палками и ими доставать неудачного прыгуна. Хорошо еще, что парашют на вышках прикреплен был к прочному канату, а то наш прыгун и улететь бы мог.

А взрослые люди прыгают с парашютом очень здорово. Луч-

ше всех в мире прыгнул недавно наш летчик Евсеев. Он прыгнул из самолета на высоте семи тысяч двести метров и полетел вниз. Целые семь тысяч метров он летел, не раскрывая парашюта. Он раскрыл его над самой землей, чтобы не разбиться.

М. Залетаев

СДЕЛАЙ САМ

Видели вы, как ястреб долго кружит, высматривая добычу? Он то спускается, то поднимается выше и не шевельнет крылом.

Много лет назад люди наблюдали за полетами птиц. Старались понять, почему они летают. Завидно было смотреть, как легко носятся птицы. Хотелось приделать крылья к рукам и тоже подняться вверх.

Двадцать лет изучал полеты птиц немецкий инженер Отто Лилиенталь. Наконец в 1891 году он бросился на самодельных крыльях с башни и несколько секунд летал.

Посмотрите, как смешно висит он на своем двухэтажном сооружении, но летит.

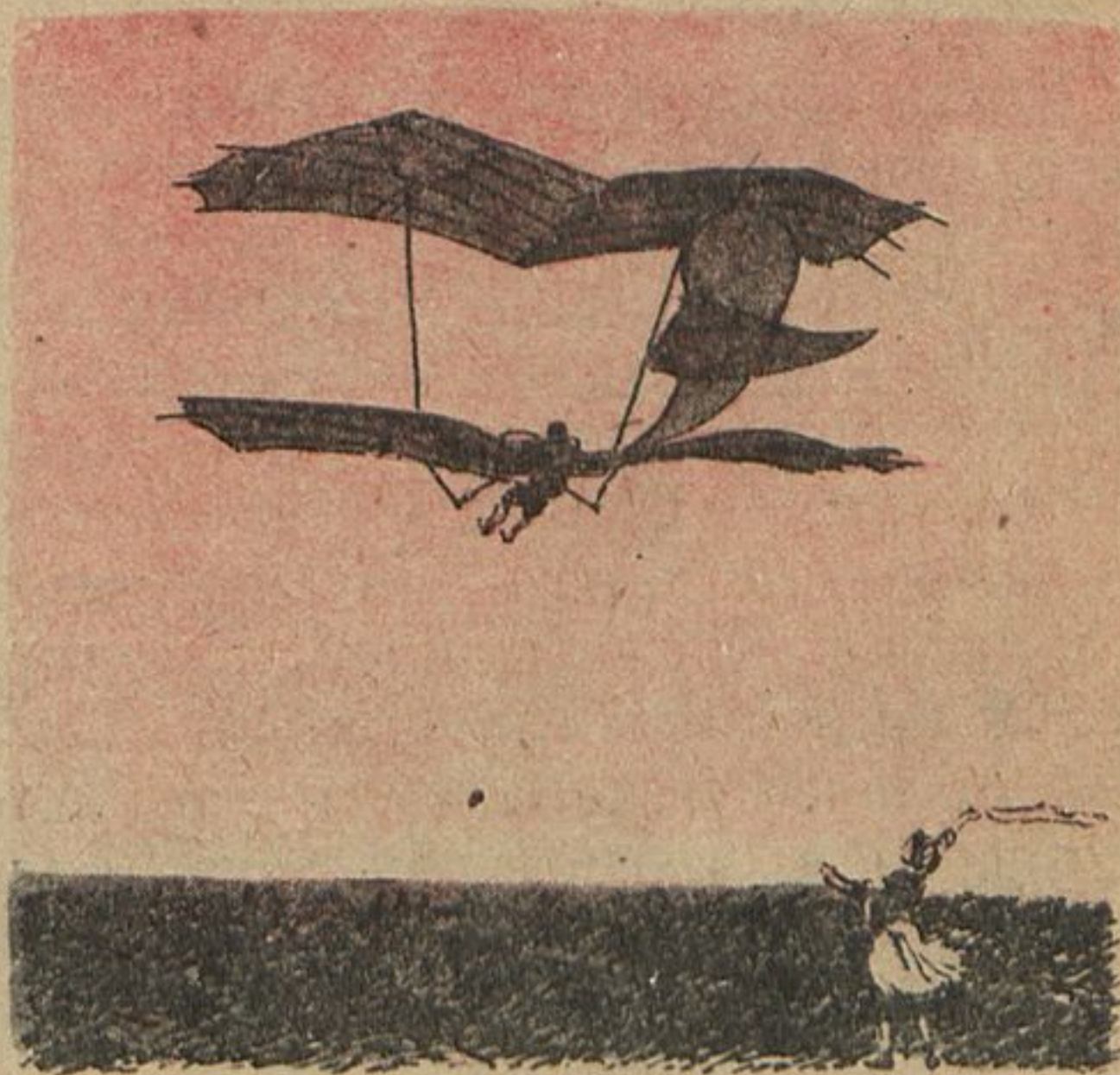
Около Москвы всего двадцать пять лет назад летал первый русский летчик Россинский. Он больше всех продержался в воздухе: целых полторы минуты, да в придачу перелетел через реку Клязьму. Россинского зовут дедушкой русской авиации.

Со времени полетов Лилиенталья прошло больше сорока лет. Ни одна птица не сравнится теперь с нами в умении летать, хотя по-птичьи летают немногие. Это только те, кто летает на аппаратах без моторов — на планерах.

Сейчас планеры летают уже десятки часов, забираются на тысячи метров в высоту, пролетают сотни километров в длину и все это без мотора. Они парят, как птицы.

А вот почему летает планер? На чем он держится?

Вы, наверное, заметили, что, если бросить листок бумаги плашмя, он не сразу падает, а медленно спускается. Если к листку бумаги привязать нитку и сделать хвост, получится воздушный змей. Это воздух

напирает снизу на листок и поддерживает его. Держится змей в воздухе только против ветра. Если ветра нет, со змеем нужно бежать. Надо создать напор воздуха, а без движения напора нет. Точно так же и планер поддерживается встречным движением воздуха.

Но сначала планер нужно разогнать, толкнуть его. Птица тоже немного разбегаются по земле, а потом взлетает. Орел, например, разбегаются почти двадцать метров. Лилиенталь или прыгал с башни или бежал со своими крыльями, а потом поднимался. Теперь запускают планеры иначе.

Тонкие полоски резины связываются пучками в длинный резиновый жгут. Его только называют не жгутом, а **амортизатором**. Планер ставится против ветра. Спереди, под планером, надевается на крюк середина амортизатора. Рабочие растягивают концы, как будто натягивают огромную рогатку. Конечно в это время планер зацеплен за колышек, вбитый в землю. Когда резина натянута, летчик отцепляется от колышка, и амортизатор выбрасывает его в воздух. Лети!

Устроено так, что амортизатор сам отцепляется от планера, когда тот взлетает. Все это делается так просто, что нам ничего не стоит сделать маленький планер самим. Он тоже, как и настоящий, будет запускаться амортизатором. Мы сделаем его летающим крылом.

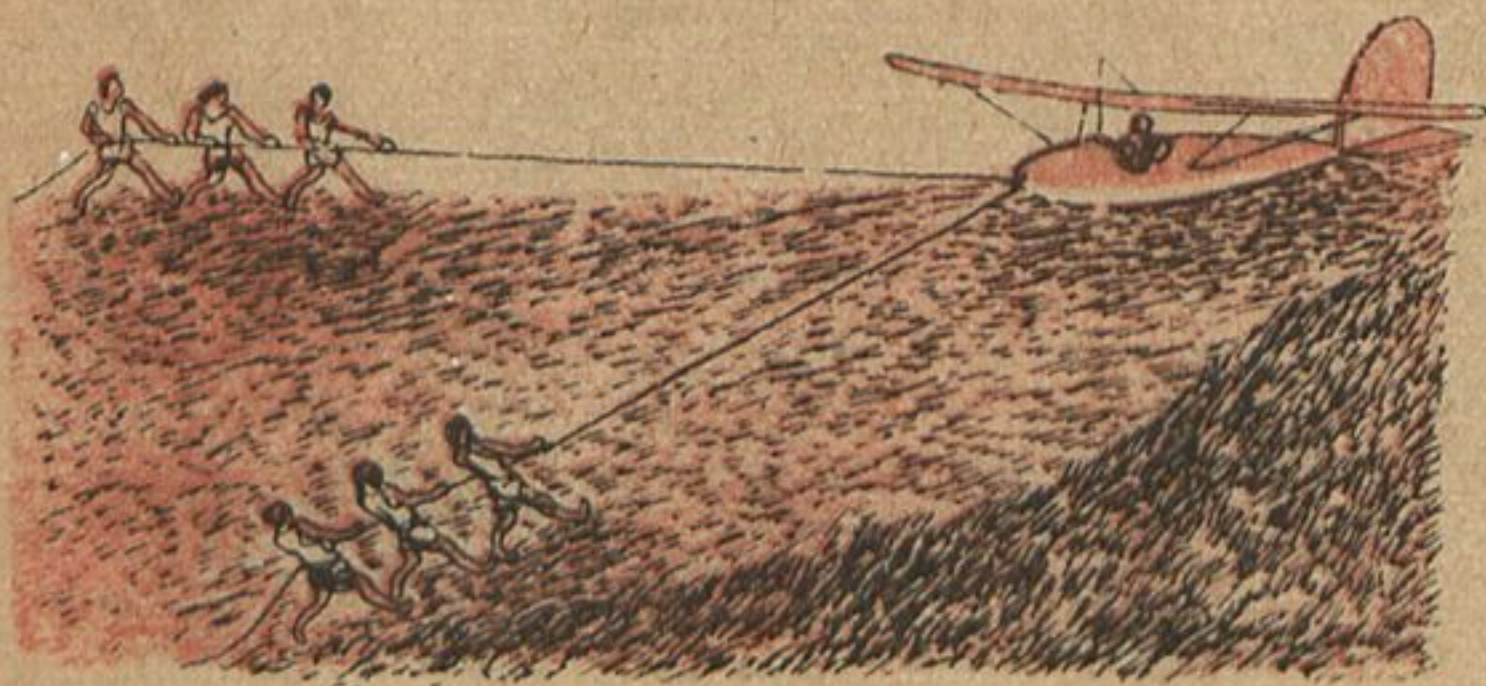
Достать нужно хороший, плотный картон, клей, кусок доски, несколько мелких гвоздиков и полоску резины от автомобильной камеры.

Инструменты — нож, ножницы и молоток.

Когда заготовите материал, переведите через копировальную бумагу выкройки крыла, вырежьте и склейте вместе. На нашем рисунке они состоят из двух частей, потому что целиком крылья не поместить на странице. Выкройку наложите на картон, обведите карандашом и вырежьте. Обязательно наметьте места для гвоздей.

Забудете наметить — не сумеете потом правильно прибить.

Из кусочка доски толщиной в полсантиметра выстрогайте ножом корпус планера по рисунку. Только летчики никогда не говорят „корпус“. Они называют его очень трудным

словом — фюзеляж.

Фюзеляж нашего планера с одной стороны закруглен — это нос, с другой стороны — дощечка поуже. Этот конец немного расколите и вставьте с клеем руль. Точно так же, как крылья, вырежьте руль из картона.

На фюзеляж вплотную к рулю приложите крылья и приколотите маленькими гвоздиками. Постарайтесь прибить их точно по середине.

Под фюзеляжем, отступя на 3-4 сантиметра от переднего конца, вбейте наклонно гвоздь без шляпки. Это крючок для амортизатора.

Вот и все готово. На полоску резины наденьте проволочное или веревочное кольцо и давайте испытывать.

Левой рукой возьмите резину за концы, наденьте кольцо на гвоздь в фюзеляже, правой рукой оттяните планер назад и отпустите. Он должен быстро и плавно полететь вперед.

Если планер сразу зарывается носом вниз — значит нос очень тяжел, — обстрогайте его.

Если, наоборот, круто берет вверх, — нос очень легкий. Тогда осторожно отдерите крылья и прибейте их ближе к носу, отступя на 1-2 миллиметра от руля.

Если планер поворачивает вправо или влево, изогните руль.

Когда все хорошоотрегулируете, можно проделать много интересных опытов.

Попробуйте задние концы крыльев немного отогнуть вверх. В полете планер будет подниматься. Загните концы вниз — будет спускаться.

А если конец одного крыла отогнуть вниз, а другой вверх? Планер наклонится на загнутое вверх крыло и повернет. Отогнете сильно — он сделает, как говорят летчики, „переворот через крыло“.

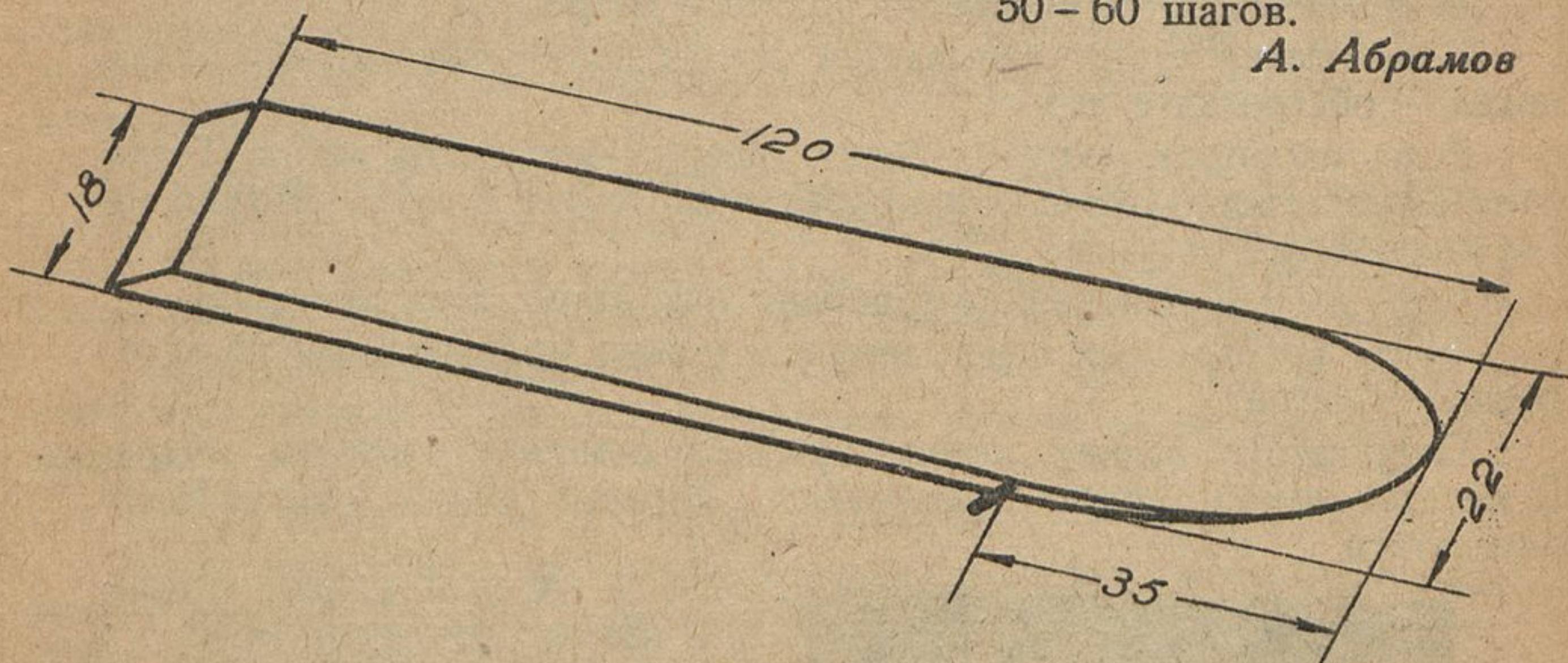
В настоящих самолетах и планерах тоже отгибаются концы крыльев. Там приделаны на шарнирах, как дверь, маленькие крылышки. Ими управляет из ка-

бины пилот. Называются они элеронами. Это очень нужные крылышки. Их изобрели американцы братья Райт, которые считаются изобретателями аэроплана. Загибая элероны, пилот легко выправляет планёр, когда его наклонит порывом ветра.

Жаль, что в нашем планере нет пилота, вот тогда бы он летал здорово. Хотя и так хорошая модель может пролететь 50 – 60 шагов.

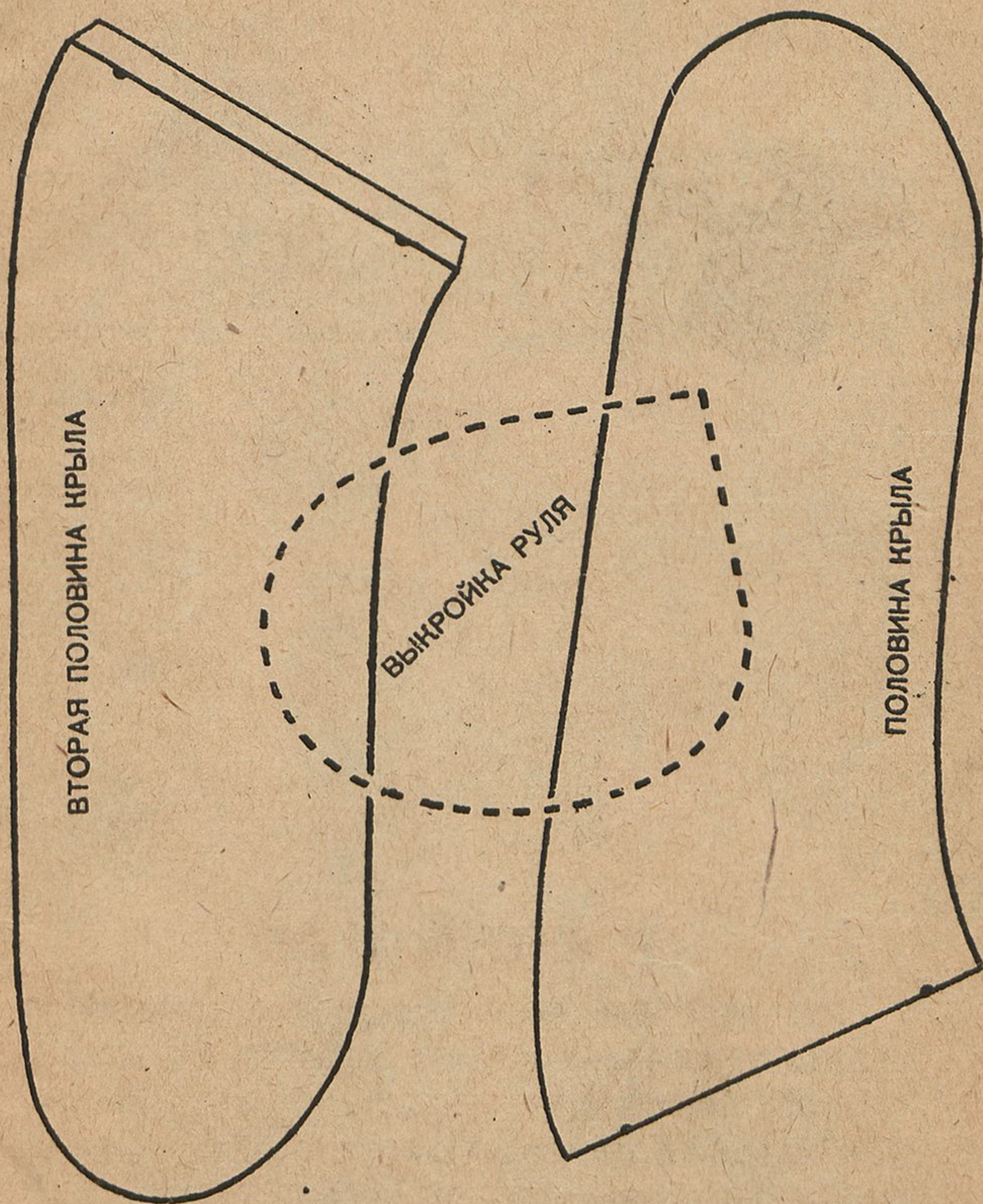
А. Абрамов

РЕБЯТА!

Мы получили очень много предложений о перемене названия нашего журнала. Но не все читатели принимают участие в этой работе. **ТОРОПИТЕСЬ**, если хотите, чтобы с нового года журнал назывался по-новому.

Редакция

Редколлегия: Асеев Н., Барто А., Маршак С., Смирнова В., Степанова А., Шифрин Н.

Ответств. редактор Н. Венгров.

Оформление Веретенников В.

Москва. МГ № 1491. Сдача оригиналов 22/X. Подп. и печ. 25/XI. 2 печ. листа. Коллч. эк. 68.640. Статформат Б-7X190

Уполном. Главлита № Б-34491. 2-я тип. над-ва ЦК ВКП(б) „Правда“. Москва, Сушч. вал, 49. Зак. 1733. Тир. 150.100

43080

цена 40 коп.